

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 891.733.7:398.2(551.46)

Анималистический культурный код в степных пейзажах А.П. Чехова

¹ Игумнова Е.С.

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: данная статья посвящена исследованию анималистического культурного кода в степных пейзажах в произведениях А.П. Чехова. Введение содержит обоснование актуальности изучения животного символизма в контексте литературного изображения природы, где животные выступают не только как реальные образы, но и как метафорические носители историко-культурных смыслов. Цель исследования состоит в анализе многофункционального символического языка природы, в частности степного пространства, через призму анималистического кода, что позволяет глубже понять взаимоотношения человека и природы в творчестве Чехова. Методологическая база исследования включает сравнительный анализ ключевых текстовых фрагментов, структурно-семантический анализ художественных образов и контекстуальное сопоставление с культурными архетипами русского фольклора. В работе применены методы дискурсивного анализа, что позволило выделить повторяющиеся мотивы и символы, связанные с образом животного, а также проследить их эволюцию в рамках литературного процесса. Использование этих методов способствует выявлению элементов анималистического кода как отражения исторических и социальных процессов, происходивших в России в эпоху Чехова. Результаты исследования показывают, что в степных пейзажах Чехова животный образ обретает двойственный характер: с одной стороны, он символизирует первобытную, неокротимую силу природы, а с другой – выступает маркером моральных и этических трансформаций в человеческом сознании. Полученные данные свидетельствуют о том, что анималистический культурный код является интегративным элементом, объединяющим различные уровни смысловой информации и способствующим формированию уникального эстетического восприятия степи.

Ключевые слова: анимализм, культурный код, степь, пейзаж, Чехов

Для цитирования: Игумнова Е.С. Анималистический культурный код в степных пейзажах А.П. Чехова // Современный ученый. 2025. № 8. С. 16 – 22.

Поступила в редакцию: 23 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 мая 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Animalistic cultural code in the steppe landscapes of A.P. Chekhov

¹ Igumnova E.S.

¹ *Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia*

Abstract: this article is dedicated to the study of the animalistic cultural code in the steppe landscapes in the works of A.P. Chekhov. The introduction provides a justification for the topical relevance of studying animal symbolism in the context of literary representations of nature, where animals serve not only as realistic images but also as metaphorical carriers of historical and cultural meanings. The aim of the research is to analyze the multifunctional symbolic language of nature – specifically, the steppe space – through the prism of the animalistic code, which

allows for a deeper understanding of the relationship between humans and nature in Chekhov's work. The methodological basis of the study includes a comparative analysis of key textual fragments, a structural-semantic analysis of artistic images, and a contextual comparison with the cultural archetypes of Russian folklore. The study employs methods of discursive analysis, which allow for the identification of recurring motifs and symbols associated with the animal image, as well as tracking their evolution within the literary process. The use of these methods contributes to the identification of elements of the animalistic code as a reflection of the historical and social processes that took place in Russia during Chekhov's era. The results of the study indicate that in Chekhov's steppe landscapes, the animal image acquires a dual character: on one hand, it symbolizes the primordial, untamable force of nature, and on the other, it serves as a marker of moral and ethical transformations in human consciousness. The findings suggest that the animalistic cultural code is an integrative element that unifies various levels of semantic information and contributes to the formation of a unique aesthetic perception of the steppe.

Keywords: animalism, cultural code, steppe, landscape, Chekhov

For citation: Igumnova E.S. Animalistic cultural code in the steppe landscapes of A.P. Chekhov. Modern Scientist. 2025. 8. P. 16 – 22.

The article was submitted: March 23, 2025; Approved after reviewing: May 20, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Степь в творчестве Антона Павловича Чехова занимает особое место, раскрывая многогранность человеческих чувств и обликая их в образы, тесно связанные с окружающим животным миром. Анималистический культурный код, помещённый в эти пейзажи, помогает лучше понять эстетические и философские ориентиры русского писателя, а также то, как он формировал собственное видение природы и места человека в ней. Степь у Чехова представляется не просто географическим пространством, но и своеобразным живым организмом, чей пульс отражается в реакции героев на мириады звуков, движений и запахов. В описаниях саранчи, гудения насекомых, случайно попавших птиц или пасущихся вдалеке коней возникает глубинная связь между людьми и природой. При этом анималистический культурный код не сводится только к наблюдению за жизнью животных, но превращается в метафору; сквозь неё автор поднимает темы одиночества, надежды и вечной неразрывности человека с окружающим его миром.

Материалы и методы исследований

Важную роль играет звучание степи и её «разговор» через зверей и птиц. Чехову было свойственно подчёркивать не индивидуальные черты животного, а скорее состояние живой и обширной природы в целом [7]. Он смотрит на птиц и зверей не как на отдельных существ, но как на струны большой симфонии, где каждый звук дополняет общий хор. Этот пантеистический взгляд тесно связан с представлением о космическом единстве, где человек неотделим от животного мира ни по своему внутреннему

устройству, ни по реакции на окружающую среду. Если смотреть на текст произведений, то часто можно заметить, как Чехов использует сравнения, намекающие на инстинкты и природные влечения. С помощью подобных сравнений он акцентирует то, какая сильная, хотя часто подавляемая, связь существует между человеком и живой материей. Именно поэтому анималистические образы порой становятся главными ориентирами для осмысления человеческих чувств, а их присутствие в степи помогает раскрыть тоску или, напротив, радость персонажей в зависимости от контекста.

Результаты и обсуждения

По сути, в степных пейзажах Чехов выносит на первый план не человека, а само пространство, внутри которого он существует. В этом пространстве животные и люди как бы уравниваются в своём значении, поскольку и те, и другие, одинаково подвержены влиянию ветра, жары, холода и бесконечного простора. Таким образом, анималистический культурный код в чеховских описаниях служит мостом между человеческим и природным бытием. Можно сказать, что степь здесь становится символом непредсказуемости, своеобразным языком, через который автор обращается к читателю. Тишина, прерываемая отдалённым скрипом телеги или стуком копыт, бывает красноречивее всяких слов, и Чехов мастерски использует эту тишину для создания уникального настроения. Персонажи, попадая в такие условия, словно теряют привычные городские ориентиры и оказываются лицом к лицу с обнажённой сущностью жизни.

Одной из ключевых тем в данной царине оказывается проблема одиночества, которую автор

искусно отражает в степных пространствах. Ведь среди бескрайнего простора, когда звук усиливается и каждое движение кажется особо значимым, человек чувствует себя крохотной точкой в гигантском мироздании. Но вместе с тем это одиночество сближает его с окружающими существами: с птицами, летающими над головой, с насекомыми, чьё жужжание ощущается во всех уголках степи. Эти существа то и дело вторгаются в поле зрения человека, подчёркивая его неопределённость, но и давая выход для внутренней рефлексии [1]. Способность услышать и задуматься над смыслом этих звуков и движений становится катализатором духовного развития героя. Сам Чехов, будучи врачом и наблюдательным человеком, отлично понимал, что природа не просто фон для сюжета, но и активный участник человеческого взаимодействия с миром.

При этом широкий культурно-исторический контекст даёт нам понять, что интересно не только само появление животных у Чехова, но и то, как они символизируют определённые черты национального мировоззрения. В бессознательном слое культуры российская степь стаёт чем-то вроде древней колыбели, из которой произрастают коллективные эмоции. Тема обширных пространств всегда будоражила воображение русских писателей, но Чехов внёс в неё анималистическое измерение, где основной смысл звучит через призму природной жизни [9]. Это означает, что, описывая летящего коршуна или табун лошадей, Чехов не только создаёт живописный пейзаж, но и даёт отсылку к глубинному чувству свободы, иногда граничащей со страхом. Для читателя такой образ животного становится аналогом человеческого внутреннего состояния и указывает на то, к чему человек, возможно, стремится или от чего бежит.

В литературной критике существует мнение, что анималистический культурный код в чеховских степных пейзажах сопряжён с архетипическими образами, идущими из народных преданий. Ведь в фольклоре животные не раз выступают в роли мудрых спутников или предупреждающих предвестников бед. Эти мотивы вплетаются и в чеховскую прозу, где на первый план выходит тонкая интуиция, позволяющая человеку извлекать уроки из наблюдений за жизнью природы. Писатель не прибегает к прямой символической, однако его образы всегда многослойны, а потому читатель может считывать самые разные смыслы. Иногда внезапный крик птицы или становящееся всё громче ржанье коня могут указывать на изменение

настроения героя или на некое грядущее событие. Таким образом, анималистический культурный код не сводится к простому описанию «зверей», а превращается в знаковую систему, помогающую раскрыть внутренний мир человека.

Чеховская степь, насыщенная звуками и движениями, становится своеобразной сценой, на которой разыгрываются человеческие драмы. Но присутствие животных придаёт этому действу глубину, преобразуя отдельные действия героев в более масштабное полотно. Ведь то, что творится в душе одного человека, отражается в природе, и наоборот. Если герой испытывает страх, степь может казаться суровой, пустынной и беспощадной. Если же в его душе зарождаются тихая радость и умиротворение, то окружающий ландшафт способен заиграть мягкими красками, а звуки природы будут звучать ласково [8]. Подобное объёмное взаимодействие подчёркивает фундаментальный принцип чеховского искусства – максимально реалистичное отображение сложного переплетения человека с жизнью окружающего мира. Именно поэтому анималистические образы не могут быть редуцированы к простой детализации: они представляют собой один из сквозных компонентов мировосприятия писателя.

Любопытно, как в ряде случаев анималистическая символика выступает не просто деталью быта, а механизмом, запускающим цепочку ассоциаций и воспоминаний у персонажа. Внезапное появление табуна коней или пролетающей стаи гусей может вызвать у героя страстную ностальгию по детству или, наоборот, придать силу в момент внутренней опустошённости. Порой животные становятся молчаливыми свидетелями сложных межличностных конфликтов, подчёркивая их глубинную трагедийность или абсурдность [2]. С этой точки зрения анималистический культурный код помогает автору искусно расставить психологические акценты и делает статичные сцены более динамичными. Ведь животное всегда движется, живёт по своим законам, не зависящим от условных границ человеческих представлений. Вступая в контакт с человеком, оно врывается в ритмы в общий сюжет. Чеховская проза, за счёт этого, приобретает естественную, почти документальную основу, при этом не теряя поэтичности и глубокой символической насыщенности.

Для лучшего понимания культурного кода важно учитывать сам выбор видов животных, которые Чехов помещает в пространство степи. Он обращается к типичным для российской

равнины существам: от мелких грызунов и птиц до лошадей, коров и собак. Герои ощущают их постоянное присутствие, даже если те не находятся в поле зрения. Поэтому часто упоминаются шорохи и треск в траве, далёкое ржание или волчий вой. Читатель начинает различать множество нюансов, благодаря которым формируется единое впечатление о широте и многоцветии степного ландшафта [10]. Подобный подход открывает нам дверь в мир, где люди и животные сосуществуют в непрерывающемся диалоге. Этот диалог может проявляться в обмене взглядами, когда человек ловит на себе взгляд животного, или в невербальных звуках, вызывающих синхронизированные реакции. По сути, через сожительство с животными в степи герои Чехова осознают свою уязвимость и вместе с тем невероятную гармонию, в которую они могут быть вплетены.

Помимо одиночества, ещё одной важной темой, вскрываемой через анималистический культурный код, оказывается проблема свободы и ограничений. Степь всегда ассоциировалась с простором и вольностью, однако эта вольность может быть обманчивой, ведь человек не способен жить по законам одичавшей природы. Он вынужден либо подстраиваться под неё, либо пытаться сохранить свои социальные привычки. Животные же свободны в своей естественности, они не задумываются о том, правильно ли их поведение. При наблюдении за лошадьми или дикими птицами персонажи зачастую осознают разрыв между социальными нормами и внутренними порывами. Так, некоторые герои впадают в мечтательность, глядя на парящих в небе птиц, представляя себе, каково было бы бросить все условности и последовать за этими пернатыми. Но в то же время этот же образ заставляет столкнуться с собственной ограниченностью, ведь человек не имеет крыльев и не может перелететь из одного места в другое, руководствуясь только инстинктом.

Показательно, что в чеховских степных пейзажах часто возникает мотив дороги или пути. Это может быть бесконечная степная тропа, по которой герои едут в телеге, либо шоссе, пересекающее ровную равнину. Дорога становится символом движения и изменчивости, а животные сопровождают это движение тем, что отражают различную степень реакции на дорогу. Они могут пугаться, бежать рядом или перемещаться по своим маршрутам, не обращая внимания на людей. В таком сопряжении мы видим не только физический, но и метафизический путь, который проходит человек.

Ведь степь все время напоминает о конечности человеческой жизни в сравнении с вечными циклами природы, а образы животных служат индикаторами того, как герои отзываются на эту мысль. Многие из них оказываются на перепутье не только буквально, но и внутренне, раздумывая о своих дальнейших целях и смыслах.

Если говорить о стиле и языковых средствах, то Чехову никогда не было свойственно перегружать текст одномерными символами. Он стремился к лаконизму и точности, а потому анималистические описания в его произведениях при всей их поэтичности остаются натуральными и правдоподобными [4]. Звук, цвет, движение – всё это вплетено в ткань письма без избыточных метафор или излишней декоративности. Благодаря такому подходу создается впечатление, что мы читаем не художественное описание, а непосредственное наблюдение жизни. Подобная документальность усиливает психологическую достоверность образов, делая героев ближе к читателю и раскрывая их предпочтения через детали, казалось бы, не связанные напрямую с сюжетом. Но именно эти детали позволяют поймать то настроение, которое царит в степи и передается от природы к человеку.

Интересно, что некоторые исследователи отмечают в степных пейзажах Чехова особую двойственность: с одной стороны, это приводит к ощущению уюта и свободы, а с другой – к возникновению чувства потерянности и даже страха. Животные могут выступать в обеих ролях: быть символами ласкового, понятного мира или становиться предвестниками опасности. Например, волчий вой может звучать как угроза, вызывая внутренний трепет у персонажа, тогда как тихий шелест крыльев ночной птицы может навеять атмосферу уединённого покоя. Всё это зависит от эмоционального состояния героя и конкретной ситуации. Таким образом, анималистический культурный код в чеховских описаниях степных пространств подобен зеркалу, в котором отражаются все оттенки человеческих переживаний. Искусство здесь выступает не только как способ изображения реальности, но и как метафизический инструмент для проникновения в глубины сознания.

Важность этой темы связана ещё и с тем, что, по мнению ряда критиков, Чехов закладывал в свои рассказы и повести философские аспекты экологического сознания, тесно переплетённого с этикой [3]. Он показывал, что отношение к природе – это не абстракция, а наша повседневная мораль и образ мышления. Когда человек теряет контакт с животными, он теряет и важную часть

собственной культуры и внутренней гармонии. Степь же становится живой иллюстрацией такого контакта, который никуда не исчез, а лишь ждёт, пока человек к нему прислушается. Очевидно, что для Чехова сама по себе постановка вопроса о взаимодействии с природой была не менее важна, чем мелкие драматические эпизоды, происходящие между персонажами. Его анималистический культурный код в степи раскрывает этот вопрос наиболее полно.

В данном контексте примечательно, что в своих письмах и записках Чехов порой упоминал, как он наблюдал за жизнью насекомых, птиц и млекопитающих, замечая их привычки и повадки. Это позволило ему не просто рисовать красивые картинки, а передавать достоверные, научно и психологически точные моменты из жизни животных. Судя по всему, для него это было частью исследовательского интереса, характерного для врача, и одновременно методом постижения жизни как таковой. Мы можем видеть, как в художественных текстах эти наблюдения превращаются в художественные детали, вплетаясь в общую канву повествования. Чехов мастерски использует эти детали, чтобы передать сам дух степи, где все существа функционируют в сложном равновесии, а человек – лишь один из множества элементов.

Ещё одной гранью анималистического кода можно назвать лексические особенности чеховских описаний. В своих произведениях автор избегает избыточной экзотики или излишне ярких эпитетов. Его язык прост, но невероятно выразителен. Там, где некоторые писатели могли бы развернуть пафосную картину величия животных, Чехов ограничивается точными глаголами, живыми существительными, которые придают сцене реальность [9]. За счёт этого создаётся ощущение непосредственности, и животные не выглядят чем-то сверхъестественным. Они – часть естественного порядка вещей, где степь неразрывно связана с их присутствием, а человек входит в эту систему лишь временно. Читатель словно проникает внутрь степного мира, начинает слышать шаги и дыхание животных, ощущать движения воздуха, переполненного запахами трав. В такой стилистике находится и философская задумка: напомнить о том, что величие бытия в его обыденных деталях.

Обращаясь к психологическим моментам, стоит отметить, что анималистический код играет важную роль в эмоциональном состоянии самих персонажей. Он часто выступает катализатором воспоминаний, меняет их настроение, вызывает

новые впечатления. Так, если герой подавлен или разочарован, то случайная встреча с домашней собакой, радостно бегущей навстречу, может пробудить в нём доброе чувство и встряхнуть его из внутренней спячки [8]. Чехов умел улавливать подобные мгновения, в которых животные становятся неожиданными источниками тепла и искренности. Подобные эпизоды демонстрируют, как в обыденной жизни через мелочи может совершиться незаметная, но важная перемена в душе человека. Это органическое слияние человека с окружающим миром, где нет чёткого разграничения на «Я» и «Другие», а есть общее поле существования, пропитанное жизненными ритмами природы.

В контексте «степного» цикла можно заметить, что Чехов использует анималистические образы, чтобы выходить за рамки бытового уровня и поднимать глобальные вопросы бытия. Смерть и рождение, страх и восторг, одиночество и общение – все эти понятия обретают дополнительную глубину, будучи соотносёнными с жизнью животных. Порой читатель может уловить в этих картинах неясный оттенок пантеизма, когда кажется, что весь мир пронизан единым дыханием, а человек – всего лишь одна из его струй [10]. С другой стороны, в этих же описаниях чувствуется тонкая ирония: люди, пытающиеся казаться венцом творения, оказываются такими же уязвимыми перед непогодой, жаждой или голодом, как и всякая другая тварь. Это вызывает потребность в пересмотре привычного антропоцентрического взгляда, и Чехов делает это мягко, через художественный образ, не скатываясь в прямолинейную риторику.

Выводы

Оглядываясь на всё вышесказанное, можно заключить, что анималистический культурный код в степных пейзажах А.П. Чехова – это целостная система образов и мотивов, которая придаёт его прозе особую глубину и многоплановость. Через детальные, зачастую почти незаметные описания животных автор раскрывает философскую и эмоциональную основу человеческой жизни, указывает на её связь с великой природой. Степь, ставшая одним из самых мощных символов в русской литературе, с помощью чеховского взгляда окрашивается в дополнительные тона: просторы оказываются не просто беспредельными, но и полными незримого присутствия живого [9]. И это живое ведёт с человеком диалог, даже если герои и не могут дать ему ясного ответа.

В конечном итоге, анализ анималистического кода демонстрирует, что для Чехова особо важен

момент тонкого сопряжения внутреннего мира человека и того, что мы называем окружающей средой. В его пространстве всё взаимосвязано: малейшее движение животного на переднем плане или едва уловимый звук на заднем плане могут повлиять на психологическое состояние героя. Эта взаимосвязь порождает новый уровень восприятия, когда литература перестаёт быть односторонним рассказом о людях, а становится

симфонией, где каждый живой элемент исполняет свою партию [6]. Чехов ведёт нас к осознанию того, что мы не можем понять человека, пока не поймём, как он взаимодействует с миром, а в мире этом важную роль играют именно анималистические элементы. Такой подход сохраняет остроту и актуальность, продолжая вдохновлять lectores на поиск новых сравнений и открытий в текстах великого русского писателя.

Список источников

1. Алферьева А.Г., Кондратьева В.Г., Ларионова М.Ч. и др. Историко-культурный и символический облик провинции в творчестве А.П. Чехова. Ростов-на-Дону, 2016. 180 с.
2. Барашев А.Х. Оказиональные имена собственные в текстовом пространстве эпистолярия А.П. Чехова // Вызовы и тренды мировой лингвистики: труды и материалы Казанского международного лингвистического саммита: в 2 т. / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова, Ф.Х. Тарасовой, Е.А. Горобец. Казань, 2021. Т. 1. С. 306 – 309.
3. Бойко И.И., Ильин И.Е., Исаев Ю.Н. и др. Чувашский государственный институт гуманитарных наук / посвящается 80-летию ордена «Знак Почета» Чувашского государственного института гуманитарных наук. Чебоксары, 2010. 200 с.
4. Васильев Н.Л. Арапова Александра Петровна // Мордовия, XX век: культурная элита: энциклопедический справочник: в 2 ч. / отв. ред. Т.М. Гусева. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 33 – 34.
5. Игумнова Е.С. Пространственно-временная характеристика степного пейзажа в идиостиле А.П. Чехова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7 (75). С. 305 – 309.
6. Кондратьева В.В. Уезд, деревня, степь: к вопросу о топографии провинции в произведениях А. П. Чехова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 2. С. 49–57.
7. Ларионова М.Ч. Вишневы сад в украинских песнях и пьесе А.П. Чехова // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Г.Г. Матишов. 2013. С. 281 – 286.
8. Михина Д.Д. Образ степи в творчестве А.П. Чехова // Концептосфера степи: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Оренбург, 2024. С. 173 – 176.
9. Письмо А.А. Шахматова Д.Н. Ушакову (1920 г.) // Отцы и дети Московской лингвистической школы: памяти В.Н. Сидорова / отв. ред. С.Н. Борунова, В.А. Плотникова-Робинсон. Москва, 2004. С. 320–322.
10. Рассказова К.С. Локус лестницы в творчестве А.П. Чехова 1890-1900-х гг.: от духовного к непристойному // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2024. Т. 10. № 2 (38). С. 71 – 84.

References

1. Alferyeva A.G., Kondratieva V.G., Larionova M.Ch., et al. Historical, cultural and symbolic image of the province in the works of A.P. Chekhov. Rostov-on-Don, 2016. 180 p.
2. Barashev A.Kh. Occasional proper names in the text space of A.P. Chekhov's epistolary writings. Challenges and trends in world linguistics: works and materials of the Kazan International Linguistic Summit: in 2 volumes. edited by R.R. Zamaletdinov, F.Kh. Kazan, 2021. Vol. 1. P. 306 – 309.
3. Boyko I.I., Ilyin I.E., Isaev Yu.N. and others. Chuvash State Institute of Humanities. dedicated to the 80th anniversary of the Order of the Badge of Honor of the Chuvash State Institute of Humanities. Cheboksary, 2010. 200 p.
4. Vasiliev N.L. Arapova Alexandra Petrovna. Mordovia, XX century: cultural elite: encyclopedic reference: in 2 parts. ed. Saransk, 2010. Part 1. P. 33 – 34.
5. Igumnova E.S. Spatio-temporal characteristics of the steppe landscape in the idiostyle of A.P. Chekhov. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2009. No. 7 (75). P. 305 – 309.
6. Kondratieva V.V. County, Village, Steppe: On the Topography of the Province in the Works of A.P. Chekhov. Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences. 2013. No. 2. P. 49 – 57.
7. Larionova M.Ch. The Cherry Orchard in Ukrainian Songs and the Play by A.P. Chekhov. Ukrainians of the South of Russia: Problems of History, Culture, and Socio-Economic Development: Proceedings of the International Scientific Conference. Ed. G.G. Matishov. 2013. P. 281 – 286.

8. Mikhina D.D. The Image of the Steppe in the Works of A.P. Chekhov. The Concept Sphere of the Steppe: Proceedings of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference. Orenburg, 2024. P. 173 – 176.

9. Letter from A.A. Shakhmatov to D.N. Ushakov (1920). Fathers and sons of the Moscow linguistic school: in memory of V.N. Sidorova. rep. ed. S.N. Borunova, V.A. Plotnikova-Robinson. Moscow, 2004. P. 320 – 322.

10. Rasskazova K.S. Locus of the ladder in the works of A.P. Chekhov 1890-1900s: from spiritual to obscene. Bulletin of Tyumen State University. Humanities studies. Humanities. 2024. T. 10. No. 2 (38). P. 71 – 84.

Информация об авторе

Игумнова Е.С., кандидат филологических наук, педагог дополнительного образования, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, igumnova01@rambler.ru

© Игумнова Е.С., 2025